

«Из тени в свет перелетая»

Проект «Магнитогорского металла»
«Литература Магнитки. Избранное»

«Из тени в свет перелетая» — так озаглавлен один из рассказов Евгения Шевченко. Эта же строка из известного стихотворения Арсения Тарковского «Бабочка в гостеприимном саду» стала названием ее сборника. Благодаря присутствию на обложке седьмого выпуска антологии «Литература Магнитки. Избранное» фамилии Шевченко, он и стал по-настоящему удачным. Не обманула-таки нумерация. Да и кто бы ей позволил это сделать: выхода в свет первой книги Е. Шевченко ждал и сам автор, как ждет выхода на публику новая прима или девица, и, пожалуй, с большим волнением мы — давние читатели и почитатели таланта Евгения.

О том, что мы имеем дело с серьезно относящимся к своему — и небесному — дару литератором, было известно в узких кругах пишущих или просто любящих русское слово. И хотя она редко баловала нас своими публикациями в периодике, едва ли кто усомнился в выборе жюри конкурса имени К. Нефедьева, когда в 2001 году ее объявили лауреатом и торжественно вручили по этому случаю керамическую медаль.

Свое место в магнитогорской литературе Е. Шевченко выбирала сама и не вдруг. То есть она не вступала ни в чей след, не сбивалась ни на чью набитую колею. Ее умное и накатанное на языке письмо, ее собственный, узнаваемый безо всяких подписей стиль говорили сами за себя не только в коротких прозаических вещах или в стихах, но и в многочисленных журналистских материалах. Она берет что-нибудь простенькое, незамысловатое, видимое, казалось бы, всем и делает из этого нечто сувенирное, тем самым, кстати, уважая в магнитогорском читателе право быть вдумчивым и умеющим увидеть красоту в печатном слове.

Основательность, филигранная отделка текстов выдают в Евгении человека высокого профессионализма, то есть такого, который не может позволить себе работать на «троечку». Отсюда и невеликий объем написанного ею, и краткость — или короткость? — избранной автором формы. Тридцать три рассказа и истории уместились в невеликой по количеству страничек книжке, да и манера подачи их такова, что «воздуха» меж ними предостаточно, — вам, читатели, это ничего не напоминает? Вот именно: мы имеем дело не столько с прозой, сколько со стихами. Или с неким промежуточным жанром, который открыла для себя и которому верна уже много лет Женя. Цитаты по части избранных автором стилей и форм приводить, к сожалению, не представляется возможным: пришлось бы цитировать чуть ли не весь сборник. Но о темах автора стоит сказать подробнее.

Для меня они выстроились в следующей последовательности. Наиболее мне дорога та, что в школе называлась темой русского народа — с его простотой, добротой, лукавством, с его привиранием, умением смириться с обстоятельствами и даже приспособиться к ним. Ее уральская деревня Санарка могла бы в этом смысле стать нарицательной. Вторую группу рассказов составляют те, в которых автор предлагает читателю вместе с нею задуматься, как живет наш старик и старуха, что им грезится и как они готовятся к переходу в мир иной. К третьей следует отнести «иностранные» истории, населенные уродами, «холодными» покойниками, в отличие от наших, «теплых» бабы Сары и деда Бори. Еще одна группа составлена из рассказов, где нам предлагают поразмышлять над такими вещами, как конец света, Судный день или о том, как человек собственными руками разрушает и «перестраивает» по-своему землю-матушку. Наконец, Е. Шевченко не была бы самой собой, если бы не попыталась впрямую напугать читателя ужастиками и страшилками, где смертельно жестокое наказание подстерегает героев без видимой причины. Славный получился суповой набор, не так ли?

Николай ЯКШИН.

Высшая раса

В Санарке возле большой избы всегда строят маленькую, чтобы там варить, чаевничать и топтать грязными ногами. Называется такая изба малухой. Некоторым домохозянам со своим кривым рылом вообще в избу заходить не разрешали — не хочешь вести себя как человек, живи в малухе вместе с кошками.

Одноногий алкоголик Славка, непутевый сын старого хозяина, только тут и отирался с утра до вечера. Эдакий хозяин малухи. Пил водку, цедил чифир, покуривал. Как он ест, никто не видел — за стол с другими никогда не садился. Зимой ночевал здесь, накрывшись «куфайкой», и только летом уходил на ночь в баню. Кстати, годков Славке было под пятьдесят, но иначе как этим уничижительно-ласкательным именем его никто не называл. Тем, кто заходил в малуху поест или чаи погонять, волей-неволей приходилось слушать Славкины рассказы.

— Ехал мужик до Паста ночью на своей «шестерке», — говорит Славка, затаиваясь «Примой» и выпуская дым в печную топку, — и тут машина заглохла. Вышел посмотреть, а вокруг светло как днем. Поднял голову, а над ним висит огромная святающаяся «сигара», понял? Он испугался, сел в машину, тут свет пропал, и машина завелась. Поехал он дальше — тут опять свет, и машина глохнет. Так его эта «сигара» преследовала до самого Паста. — Славка многозначительно обводит всех взглядом и добавляет: Значит, есть все-таки высшая раса. Не то что мы, дурагоны.

Старый будильник

На столе в малухе тикает старый будильник «Витязь». Все белые пластмасски, включая циферблат, давно превратились в благородную слоновую кость и хорошо сочетались с изумрудно-зеленым корпусом.

Когда я приехала в деревню, стрелки «Витязя» показывали четыре. Только перестали охать и ахать по поводу моего неожиданного приезда бабушка с дедушкой, только совместными усилиями накрутили фарш и налепили пельменей — день стал клониться к закату. В ноябре темнеет рано, и около шести в малуху заползли сумерки. Я подумала, что еще немного, и пора будет включать свет. Но так уютно сидеть возле маленького окошечка, попить чай с вареньем из лесной ягоды, разговаривать разговоры с бабушкой и дедушкой... Через час я бросила взгляд на будильник — стрелка ни с места. Тут я сообщила бабушке о его странном поведении.

— Ну, давай, подведу его, — сказала бабуля. — Он ведь каждый день останавливается в это время. Я люблю прятать при дневном свете, вот и не перевожу стрелки. Иногда так и просижу полночи, а в малухе все светло — на будильнике ведь без десяти шесть. Опять же экономия — электричество включать не надо. Бывает, уже и соседки приходят — отмотай, мол, время вперед, а то у нас дети заснуть не могут, светло очень...

Я смотрела на бабушку во все глаза, пытаюсь понять, правду она говорит или шутит.

— Ну, что уж теперь, любите вы, городские, во всем порядок, — сказала бабушка с легкой досадой в голосе. — Сколько сейчас? Часов уже восемь, наверное?

Она взяла будильник, подкрутила стрелки. И за окном сразу стало очень темно.

Фотография Иисуса Христа

Бабушка с дедушкой в Бога, вроде бы, не верили. Дед был то ли язычником, то ли атеистом. Он часто говорил мне правоучительным тоном: «Женя, Бога нет! Есть только силы природы». Бабушка о Боге не рассуждала вообще.

В церковь не ходила, молитв не читала, хотя крестик носила и не снимала его даже в бане. А в избе в красном углу, рядом с ковром, на котором несколько красно-коричневых оленей пришли на водопой, висела у них объемная икона. Черно-белый Иисус в обрамлении выцветших от времени красных пластмассовых розочек под засиженным мухами стеклом.

Однажды, накануне Пасхи, я предложила бабушке:

— Давай куплю вам хорошую большую икону в церковь вместо вашей самоделки. — Ты что, ничего нам не нужно, это же настоящая фотография Иисуса Христа! — замахала руками старушка.

— Когда Иисус Христос пришел на землю, фотоаппаратов еще не было, — засмеялась я.

— Ну, может, это в какой другой раз его сфотографировали. Лет тридцать назад проходил через Санарку немой. Он нам с дедом продал такую фотографию, и Растрепе, и Дусе, и Саре, и Стасе... А раз он немой, как он тебе объяснит, откуда фотография? — бабушка победоносно посмотрела на меня.

Евгения ШЕВЧЕНКО

Начала писать стихи и рассказы десять лет назад. Занималась в Лиге города и в литературном кружке МаГУ. Публиковалась в городских газетах, журналах, интернет-изданиях. В журналистике с 2000 года, сейчас — ведущий специалист редакции субботнего выпуска «Магнитогорского металла»

Дальше спорить я не стала. Потому что все могло бы кончиться обидой бабушки на то, «какие вы все, городские, умные».

Пасхальную ночь я провела на службе в церкви. Пришла домой часа в три ночи и, прежде чем ложиться спать, зашла в малуху попить чаю. Взглянула на объемную икону — вокруг черно-белого изображения Иисуса Христа ярко алыми настоящие, живые розы, исходящие соком, безжалостно примятые стеклом.

Сто дней до приказа

Баба Дуся переехала из Борисовки в Санарку. Потому что здесь у нее жили сестра с мужем, а там никого, кроме домового. Единственного внука как раз в армию забрали.

Поменялась она домами с теткой, которая тоже хотела быть поближе к своей родне. Домового баба Дуся, как положено, забрала с собой. Испекла пирог, сказала нужные слова, в новом доме пирог разложила и за печку положила. Но что-то ему не понравилось. Сначала стал шуметь. Потом — вещи ронять. Дальше — хуже. Принялся шипать до синяков и по ночам душить. Все знают, что первое средство от домового — мат. Навалился домовый на бабу Дусю, и давай душить. Она еле рот откроет и просипит: «Мать-перемать, что ж ты, зараза, делаешь-то?» А когда отпустит, тут она его и по башке, и по матушке в хвост и в гриву отмазывает. А потом заплачет от обиды да опять спать ложится, но уж до первых петухов заснуть не может.

А днем по дому стук-перестук, будто на чердаке кошки дерутся, а в подполе картошкой кидаются; в буфете кружки да тарелки сами приплясывают. И молока она ему наливала, и кашку варила — все без толку. И вот настала единственная ночь в году, когда своего домового можно увидеть. Сняла баба Дуся крестик, пошла на перекресток трех дорог, вокруг себя перевернулась, слова нужные сказала и смотрит: вот он стоит, домовый. Батюшки, какой стал тощий да маленький, а с мордочкой что такое? Глаз заплаыл, скула сворочена. Руки и ноги все в синяках да шишках. Всплеснула баба Дуся руками и повалилась без памяти на дорогу.

А когда очнулась, даже домой заходить не стала, пошла пешком в Борисовку. И прямоком к той тетке, с которой поменялась.

— Ты что же, сука такая, делаешь? Ты же своего домового не забрала. Он же меня чуть со свету не скил, спасибо, мой заступался за меня. Но твой все равно сильнее, потому что в своем доме живет.

Ну, та повинилась — мол, ленивый он у нее был да проказник, вот и не взяла. Спекли бабы пирог и поехали в Санарку на телеге. Забрала та тетка своего домового, и с тех пор баба Дуся живет спокойно. С домовым у нее полное взаимопонимание. Бывает, баба Дуся письма из армии вслух читает, а домовый из-за печи ухахатывается. Так вместе вечерок и скоротают. А вчера баба Дуся домовому сообщила, что осталось всего сто дней до приказа.